

Российская академия наук
Институт славяноведения и балканистики

Русистика. Славистика. Индоевропеистика

*Сборник к 60-летию
Андрея Анатольевича Зализняка*

 ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 1996

- Поповски 1989а — *J. Popovski*. The Pandects of Antiochus. Slavic Text in Transcription // *Полата књигописнаја*, № 23–24. January 1989.
- Поповски, Томсон, Федер 1988 — *J. Popovski, F. J. Thomson, W. R. Veder*. The Troickij Sbornik (Cod. Moskva, GBL, F. 304 (Troice-Sergieva Lavra) № 12). Text in Transcription // *Полата књигописнаја*, № 21–22. February 1988.
- Савельева 1965 — *Л. В. Савельева*. Язык гуджарати. М., 1965.
- Тихомиров 1968 — *Н. Б. Тихомиров*. Каталог русских и славянских пергаменных рукописей XI–XII вв., хранящихся в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Ч. III // *Записки Отдела рукописей ГБЛ*, вып. 30, 1968, 87–156.
- Трубецкой 1954 — *N. S. Trubetzkoy*. Altkirchenslavische Grammatik. Schrift-, Laut- und Formensystem. Wien, 1954 [Österreichische Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. Klasse. Sitzungsberichte, 228. Bd., 4. Abh.].
- Цваан 1969 — *J. D. de Zwaan*. A Preliminary Analysis of Gogo-Yimidjir. Canberra, 1969 [Australian Aboriginal Studies, 16].
- Шевелов 1979 — *G. Y. Shevelov*. A Historical Phonology of the Ukrainian Language. Heidelberg, 1979.

С. Л. Николаев

Histoire d'O

Противопоставление в восточнославянских диалектах различных рефлексов *o и *ъ (в «сильной» позиции)¹ давно находится в центре внимания диалектологов и историков языка.

Наряду с диалектами, в которых на месте *o и *ъ представлен единый рефлекс o либо ъo (как в белорусском и русском литературном языках и многих белорусских, великорусских и некоторых северноукраинских говорах), широко известны диалектные системы вокализма, в которых представлено либо реконструируется противопоставление «двух o». Ввиду того, что «маркированный» член оппозиции, возникший в результате компенсаторного удлинения на юго-западе и «под восходящим ударением» на северо-востоке восточнославянского континуума, чаще всего выступает (либо может быть реконструирован) в виде узкого («закрытого») o либо дифтонга с узким слоговым компонентом ъo, оппозицию «двух o», как правило, представляют в виде противопоставления «открытого» o «закрытому» или дифтонгическому o (например, /o/ ~ /ô/ у А. А. Зализняка, см. Зализняк 1985:173). Однако в некоторых из обнаруженных недавно систем с «двумя o» их фонетическое противопоставление не укладывается в названную схему, поэтому в дальнейшем бинарное противопоставление «двух o» будет обозначаться как оппозиция /o₁/ ~ /o₂/, где /o₂/ соответствует «маркированному» /ô/.

¹ Рефлексы так называемого «напряженного» ô будут рассматриваться лишь в особых случаях. Без специальной оговорки «рефлексом *ъ» будет называться рефлекс *ъ в «ненапряженной» позиции (т. е. не перед j и не перед мягкими сонантами в кривичских по происхождению говорах). В статье не будут специально рассматриваться и огубленные гласные на месте *e и *ь.

В последнее время выяснилось, что, во-первых, существуют не только бинарные, но и тернарные системы противопоставления звуков на месте праслав. *о и *ѡ. Фонетическая реализация «двух о» также представляется сейчас гораздо более сложной, чем считалось.

Во-вторых, история возникновения оппозиции «двух о» в восточнославянских диалектах явно не сводится к двум хорошо известным моделям, в которых /o₂/ восходит только к *о в «новозакрытых» («перестроенных», в терминах А. А. Зализняка) слогах в юго-западных (белорусских и украинских) восточнославянских диалектах² либо к *о под «восходящим ударением» («автономным ударением» в терминах А. А. Зализняка) в северо-восточных (великорусских).

Имеющиеся на сегодняшний день данные восточнославянских диалектов позволяют выделить следующие системы рефлексации *о и *ѡ³.

1. СИСТЕМЫ С НЕАКЦЕНТНЫМ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕМ РЕФЛЕКСОВ *о и *ѡ

а. Юго-западные системы

Наиболее распространенной системой такого рода является бинарная система, в которой /o₂/ восходит к *о в «новозакрытых» слогах (т. е. перед слабыми, отпавшими в дальнейшем редуцированными) как под ударением, так и в безударных слогах, тогда как /o₁/ представляет собой рефлекс *о в прочих позициях и *ѡ. «Маркированное» /o₂/, по всей видимости, первоначально было дифтонгом в большинстве говоров северной части ареала (задний дифтонг *uo* либо средне-задний *uo* с узким слоговым компонентом с дальнейшим развитием в *uo*, *uo*, *uo* и монофтонги *o*, *u*, *u*, *u*, *i*, *i*) и долгим монофтонгом (узким задним *ō* или средне-задним *ō* с дальнейшим развитием в монофтонги типа северных) в карпатоукраинской (галицкой в широком смысле) области⁴, ср. полесские (по го-

² В полесских белор. и укр. говорах наблюдается нейтрализация «двух о» в безударных слогах (типа ю.-брест. *voĭno* ~ pl. *vikna*), однако эта ситуация явно вторична и связана с монофтонгизацией любых дифтонгов в безударной позиции — ср. *xl'iw* < *xl'ew* ~ pl. *xlevi*, *z'aba* ~ *z'aba* ~ pl. *zabi* в этих же говорах.

³ Знаки фонетической транскрипции см. АССЯ, с. 330. В просодической реконструкции объединяются в *˘* и *˘* соответственно традиционные *˘* и *˘* («новые акуты» краткости и долготы) и *˘* и *˘* (соответствующие «циркумфлексы») в связи с их нефонологическим различием.

⁴ Однако существует альтернативное мнение об исконности дифтонга на месте «удлиненного о» для всего укр. ареала — см. обсуждение этой проблемы в Kuraszewicz 1985.

ворам) *nuos*, *nyus*, *nus*, *nüs*, *nis*, *nis/n'is* и карп.-укр. *nus*, *nus*, *nys*, *nüs/n'üs*, *nis/n'is* и т. п. < **nōs*. Особую проблему представляет история «вставного» о в последовательностях *ToRT*, о которой речь пойдет ниже.

На месте *ѡ и *о в «неперестроенных» слогах во многих юго-западных белорусских и украинских говорах, литературном укр. языке представлена единая фонема, реализуемая под ударением в виде монофтонга о или дифтонгоида *uo* — например, укр. литер. *nis* ~ gen. *nósa*; *son*; закарп. Торунь *n'is* ~ gen. *n'ósa*; *s'on*; ю.-брест. Симоновичи *nis* ~ gen. *nósa*; *son* и т. д.

«Бинарная» система, по крайней мере в галицкой области, восходит к старой «тернарной», которая несомненно должна была существовать еще в ту эпоху, когда *о удлинилось в слогах перед слабыми редуцированными, а «сильный» ѡ отличался от о. Как показали недавние исследования, во многих карпатоукраинских говорах и в настоящее время представлены прямые рефлекс «тернарной» системы. В общем виде генезис «тернарных» юго-западных систем может быть описан следующим образом: а) в «новозакрытых» («перестроенных») слогах *о дает рефлекс, возводимые к **ō*; б) в «неперестроенных» слогах *о отражается в виде фонемы /*uo*/; в) *ѡ отражается в виде фонемы /*o*/. Различие фонем /*uo*/ и /*o*/ надежно отмечено только под ударением.

Во многих карпатоукраинских говорах отмечены рефлекс сложных систем гласных переднего ряда среднего подъема. Традиционно считается, что в украинско-белорусском ареале рефлекс «нового ятя» (удлиненного *е перед слабым *ѡ следующего слога) совпадает с рефлексом **ě*, а рефлекс *е в прочих позициях — с рефлексом сильного *ѡ (ср. укр. литер. *níc* как *bílii*; *nébo* как *den*). Однако в карпатоукраинской зоне континуант «нового ятя» во многих говорах отличается от рефлекса **ě*, причем предпочтительной реконструкцией первого является *недифтонгическое* **ē* — при **ě* > *iē*, ср. Торунь (Межгорский р-н Закарп. обл.) **ē* > *i* с предшествующей твердостью губных и *s*, *z* при **ě* > *i* с предшествующей мягкостью (*sim* < **se[d]mь* ~ *s'ino* < **sěno*; *pič* < **pektь* ~ *b'iči* < **běgti*) и Синевир (того же р-на) **ē* > *i* (передне-среднее) и **ě* > *i* (переднее) с предшествующей мягкостью (*s'im* ~ *s'ino*; *p'ič* ~ *b'iči*). Праслав. *е (неудлиненное) и *ѡ под ударением имеют рефлекс *!e/!e* (дифтонгоиды: *d'ēn'* ~ *n'ēbo*). В прикарпатском говоре Банилова-Подгорного (Сторожинецк. р-н Черновицк. обл.) у информантов старшего поколения *е имеет рефлекс *e/ä* с неясной дистрибуцией, тогда как *ѡ всегда отражается как *ä* (*dän'*, *konác* ~ *nébo/nábo* и т. д.).

Оппозиция фонем /^ho/ и /o/ засвидетельствована, в частности, в говорах с. Брод и Черный Поток Иршавского р-на, Дусина и Керецьки Свалявского р-на, Синевир Межгорского р-на, Луг Раховского р-на Закарпатской обл., Битля Турковского р-на, Миженец и Засадки Старосамборского р-на Львовской обл., Тисов Долинского р-на, Красноиллов Верховинского р-на, Тышковцы Городенковского р-на Ив.-Франковской обл., Банилов-Подгорный Сторожинецкого р-на Черновицкой области⁵. В некоторых карпатоукраинских говорах фонемы /^ho/ и /o/ нейтрализуются в сторону /^ho/ после губных, реже после велярных согласных.

Реализациями фонемы /^ho/ в закарпатских и западнобойковских говорах (Брод, Черный Поток, Дусина, Керецьки, Синевир, Битля) являются дифтонгоиды (реже дифтонги) с узкой или широкой слоговой частью (^ho или ^ho), реализациями фонемы /o/ — соответствующие монофтонги o или o (в некоторых из этих говоров на их месте обычны задне-средние монофтонги ø и ø). Широкий и узкий аллофоны распределяются по известному правилу «просодической аккомодации»: узкие варианты присутствуют в слогах, предшествующих u и o в следующем слоге (Синевир pl. *γ^hóraω* ~ асс. *γ^hóru*, ном. *mox* ~ ген. *móxi*, pl. *γólonω* ~ асс. *γólonu*), а также в словах, в которых в любом слоге, следующем за o, находится мягкий согласный и/или гласный i (ген. *p^hótoka* ~ loc. *u p^hótoç'i*, *pórox* ~ loc. *u póros'i*; *p^hóm'üč*; *γ^hóspod'*; *n^hóxor'*, instr. *p^hüid n^hóxt'om*; *loráta* ~ loc. *na lorát'i*; *n^hóša* ~ pl. *n^hóši*). Узкие аллофоны присутствуют также в таутосиллабических сочетаниях с w (*v^hówna*).

В говорах Прикарпатья фонема /^ho/ представлена «широким», «средним» или «узким» дифтонгоидами (^ho, ^ho и ^ho), фонема /o/ — «широким», «средним» или «узким» монофтонгами (o, o или o). Распределение этих аллофонов является специфическим для каждого из говоров и не существенно для темы настоящей статьи, его мы здесь касаться не будем.

Фонемы /^ho/ и /o/ имеют одинаковое праславянское происхождение во всех карпатоукраинских говорах.

1. Фонема /^ho/

Основным источником происхождения фонемы /^ho/ является праслав. *o не в «новозакрытых» («перестроенных») слогах:

⁵ Приводимый ниже материал представляет собой выполненную автором расшивку магнитных записей, сделанных Карпатской экспедицией ИСБ РАН в период с 1987 по 1993 г.

а) В корнях, префиксах и суффиксах: Син. именные формы — *m^hózok*, *s^hóxa*, *s^hósna*, *p^hóle*, *m^hóre*, *zn^hósok*, *k^hóšik*, *p^hüid^hóya*, *p^hüitk^hóva*, *γ^hórup*, *d^hóla*, *n^hóxor'/n^hóx'üt'*, *p^hóm'üč*, *na p^hósc'il'*, *p^hóxoron*, глагольные формы — praes. 3 sg. *ne x^hóče*, *ne m^hóže*, *ne w^hódit*. Битля: именные формы — *m^hóre*, *šir^hóki*, *m^hókró*, *m^hóžok*, *s^hósna*, *p^hüid^hóya*, *p^hox^hóžoj*, *n^hóša*, *k^hóza*, *p^hóle*, *k^hórin'*, *n^hóxor'*, глагольные формы — inf. *ur^hódit*, 1 sg. praes. *x^hóču*, *x^hóžu*. Тис. *mn^hóyo*, pl. dat. *k^hón'im*, loc. *na p^hóly*, f. *b^hósa*, prt. *zur^hóčyw*, 3 sg. *spr^hom^hóže*. Тишк. *kor^hóva*, f. *m^hója*, 1 sg. *ne x^hóč'u*, 3 sg. *l^hóvit*, *m^hóže*, *x^hóč'e*; *dv^hóje*; *p^hótim*, acc. *n^hóyu*. Бан. *p^hórl'ä*, *p^hóle*, *m^hóre*, 1 sg. *m^hólu sy*, 3 sg. *poł^hóžyt sa*, pl. *n^hóši*, *k^hóryn'*, *v^hóla*, loc. *w berł^hózi*; б) в окончаниях: Син. *sel^hó*, *rešet^hó*, *rebr^hó*, *molok^hó*; Битля *poł^hon^hó*, *ristv^hó*, *mołok^hó*, *m^hó*, *krił^hó*, *per^hó*, *čot^hó*, *tepl^hó* и т. д.

Фонема /^ho/ является также рефлексом гласного 2-го слога «полногласных» последовательностей:

Син. *vor^hóna*, loc. *na dol^hóni*, gen. *por^hóya*, *kor^hóna*, *dor^hóya*, *kol^hóda*, *sol^hóta* и т. д.; loc. *na obor^hózi*, *dol^hón'*, gen. *or^hóxu*; Битля *por^hóžnoj*, *kor^hóna*, *poł^hóna*, *sor^hóka*, *ja moł^hóču*, acc. *kor^hónu*; Тис. dat. *kor^hón'i*, pl. *u vor^hóna*, 3 pl. *moł^hóet*; Тишк. comp. *kor^hóčče*, *kor^hóna*; Бан. *kor^hóna*, *sor^hóka*, *vor^hóna*, *moł^hóču* и т. д.

Следует заметить, что в карпатоукраинских говорах наиболее последовательно проведена система с отсутствием могущего считаться фонетическим удлинением «вставного» гласного рефлексов *To/eRT* в «новозакрытых» слогах. Ср. материал синевирского говора: coll. *kol^hós'a*, *vol^hós'a*, *or^hóx* 'гороx', *mor^hós*, *xvor^hóst*, *čeréšn'a*, *béreh*, *žólop*, *vóron*, gen. sg. *moł^hó'c'a*, gen. pl. *bez vor^hót*, *beréz*, *vor^hón*, prt. *moł^hów*, *kol^hów*, уменьш. *kor^hówka*, *dor^hóška*, *borotká* и т. п. Редкие отклонения типа *obor^hüh* (< *oborgъ), *por^hüh* (< *porgъ, имеющий рефлексы *o/*uo во всех укр. говорах) и *dor^húška* (наряду с *dor^hóška*, см. выше) нуждаются в особом объяснении, но не являются доводом в пользу регулярного удлинения *o в данной позиции.

Однако наличие большего количества нерегулярных с точки зрения карпатоукраинской системы форм типа *borídka*, gen. pl. *golív* и им подобных в северноукраинских и южнобелорусских полесских говорах позволяет предположить, что для последних характерна иная система развития второго гласного в рефлексах *To/eRT*, а украинская литературная система и системы средне- и восточноукраинских (волинских, киевско-полтавских и т. п.) говоров должны быть признаны компромиссными между полесской и юго-западной.

Дело в том, что в южнобелорусских говорах с противопоставлением двух ударных *o* в рефлексах *To/eRT* удлинению, как правило, не подвергаются только гласные в рефлексах праслав. двусложных форм ном.-асс. sg. masc. типа **morъ*, **gorъ*, тогда как во всех прочих формах (в том числе в приставочных) удлинение последовательно проведено. В качестве примера приведем полную выборку материала белорусского слущкого говора д. Чудина из работы: Сержпутовский А. К. Грамматический очерк белорусского наречия дер. Чудина Слуцкого уезда Минской губернии. — ОРЯС, т. 89, № 1, 1911 (примеры цитируются в транслитерации; на месте неудлиненного **o* и **ъ* в этом говоре присутствует рефлекс /*o/*): gen. pl. *baruód* 18, *varuót* 19, 35; prt. *sc'eruoý* 10; приставочные формы: *zdaruów* 60, *az'eruoód* 49, *padv'eruoód* 50; composita: *čartapaúox* 53, *kařavaruót* 32; coll. на *-je*: *paúox'ja* 32, *b'ezpaúoxje* 60, *zdaruówje* 60; diminutiva: *daruózka* 5, *daruózan'ka* 7, 28, *karuónvačk'i* 5, *paúoxwka* 42, 52, pl. *paúoxwki* 51, 52, *kaúoxdka* 49, *kaúoxdačka* 49, *varuózka* 50, *b'eruoózka* 53 (слово *saróčka* 49, 58, видимо, является инодиалектным заимствованием); прилагательные на *-ьн-* и производные от них: *maúoxny* 13, *paúoxny* 26, **padaruózny* 65; *padvaruótn'a* 49, *skavaruódn'ik* 50. Ср. *garóx* 52: других примеров на развитие слов подобного вида в цитируемой работе нет, однако надежных данных о рефлексах типа **goruox/*gorox*, **moruox/*morox* в белорусских говорах типа чудинского не имеется.

Нерегулярность и «морфонологизированность» удлинения «вставного» *e/o* в украинских системах типа литературной позволили выдвинуть гипотезу о зависимости этого удлинения от праславянской просодии: по мнению Л. А. Булаховского, оно первоначально проводилось в слогах, имевших новоаккутовую интонацию (Булаховский 1947; 1961). Аргументированная критика этой гипотезы содержится в работе А. А. Зализняка (Зализняк 1985:160—163). Изучение белорусских и украинских говоров с юго-западной системой рефлексации **o* заставляет дифференцированно относиться к данным различных диалектных ареалов. Утверждение А. А. Зализняка о вторичности форм типа *борідка* верно для карпатоукраинской (галицкой) области, но неверно для полесской зоны. Гипотеза Л. А. Булаховского в авторской формулировке не находит поддержки в диалектном материале. Однако нетривиальность дистрибуции удлиненных и неудлиненных «вставных» *o* и *e* в «циркумполесской» зоне позволяет предположить ее просодический источник: из материала следует, что удлинение «вставных» *e* и *o* происходит в многосложных словах (в слогах со «старым» и «новым» акцентом) и

в двусложных формах с новоаккутовой интонацией (ср. Чуд. *goróx* < **górъ* без удлинения при *sc'eruoý* < **stērglъ* с удлинением) и в формах gen. pl., в которых долгота конечного *-ъ* < **-ōm* (см. Основы славянской акцентологии, с. 17) имеет особые квантитативно-интонационные рефлексy во всех слав. языках (*baruód*, *varuót*). Таким образом, гипотеза Л. А. Булаховского сохраняет свою ценность хотя бы как попытка связать юго-западное удлинение с праславянской просодией.

Фонема /*o/* присутствует также во всех названных карпатоукраинских говорах на месте **ъ* в рефлексах последовательностей *TъRT* (при том что рефлексом сильного **ъ* в прочих случаях является /*o/*, см. ниже):

Син. *k'órč*, pl. *k'órč'i*, *γ'órp*, gen. *γ'órba*, *t'órh*, *k'órčma*, *v'ówna*, *s'ónce*, loc. *na s'ónci*, *d'ówh*, f. *d'ówžna*, *st'ówp*, gen. *st'ówpa*, *v'ówk*, gen. *v'ówka*, *p'ówx*; **Битля** *k'órč*, *b'óršč*, *γ'órp*, *t'órx*, *s'ónce*, *v'ówk*, *p'ównoj*, *d'ówŷij*, *d'ówx*, *st'ówp*; **Тис.** *m'órkow*; **Тишк.** adv. *d'ówγo*, f. *p'óŷlna*; **Бан.** *s'ónce*, *m'órkova*, *k'órč'ma*, *b'órš's'*, *γ'órtō*, *γ'órp*.

2. Фонема /*o/*

Обычно эта фонема является рефлексом сильного **ъ* (кроме описанных выше рефлексy **TъRT* > *T'óRT*):

а) в корнях слов, в суффиксах: **Син.** *dóšč*, *móx*, loc. *u móxoni*, *rót*, *són*, *vóš*, *tóčna práwda*, adv. *tóčno*, *vón*, *tót*; *mostók*, *kutók*, *v'ínók*, 3 sg. *ne zdóxne*; *krów*, *ostrów*; **Битля** *c'vítók*, *p'isók*, *mostók*, *són*, *dóšč*, *vóš*, *móx*, *rót*, *krów*, 3 pl. *zdóxnut*; **Тис.** prt. *zasóx*, adv. *krów*; **Тишк.** *brów*, pl. *bróvi*, *postók*, *capók*; **Бан.** *són*, *móx*, *zamók*, *bóč'ka*, *vóš*, *dóšč'*, *ryótka*, *krów*, pl. *bróvy*; gen. pl. *v'ikón*, *ž'ínók*; *m'í'stók*, *v'ínók*, *p'isók*; б) в окончаниях: **Син.** instr. *rešetóm*, *xrestóm/krestóm*, *selóm*, *v'ídróm*, *stolóm*, *polotnóm*, *za küzlóm* и т. д.; **Битля** *p'ít xrestóm*, *za seřóm*, *s peřóm*, *za stořóm*; **Тис.** instr. *rizdvóm*, *česnykóm*; **Тишк.** instr. adv. *livakóm*; **Бан.** acc. *rešetóm*, *xrestóm*, *za seřóm/m/seřóm*, *stořóm*.

Фонема /*o/* в карпатоукраинских системах находится также в первых слогах «полногласных» рефлексy праслав. *ToRT*:

Син. *ýólot*, *ýólos*, *kólos*, *pórox*, *vólos*, *vóroh*, *xólot*, pl. *bórodaw*, *bórozdaw*, *tóloka*, *vóron*, pl. *ýólowaw*, adv. *ýólosno*; gen. *ýólođu*, *ýólođu*, *póroxu*, gen. pl. *vóroγ'ŷ'i*, loc. *u xólođ'i*, acc. *stóřonu*, *ýólođu/ýólŷi*, loc. *u vóroš'i*; **Битля** *ýólot*, *vórox*, *vóřos*, *vóron*; **Тис.** acc. *na ýóřovu*; **Бан.** *vóřon*, *kórop*, *xvóřost*, *ýólot*.

Судя по этому, формально карпатоукраинские рефлексy праслав. *TorT*, *TolT*/*TelT* восходят к промежуточным стадиям *T'ęoT*,

ТъloТ (см. выше материал по рефлексам «вставного» гласного «полногласных» последовательностей в виде фонемы /^ho/).

Видимо, последовательности *TorT*, *TolT/TelT* по крайней мере в ю.-западном украинском ареале имели развитие, подобное лехитскому (в польском, как известно, слова типа *złoto* первоначально имели вид *z^hloto, о чем говорит их морфонологическое поведение в польском⁶), однако укр. *ъ в первом слоге «полногласия» ведет себя как «сильный ер»⁷.

В то же время «вставное» -o- является «не совсем обычным» *o, не удлиняющимся в слогах перед слабыми редуцированными. Видимо, удлинение *o (и *e) происходило раньше падения редуцированных, одновременно с формированием различия между «сильными» и «слабыми» ерами. Дело в том, что для украинской (и юго-западной белорусской) диалектной зоны характерен полный параллелизм развития исконно кратких гласных, причем выделяются две позиции: 1) сильная — в слогах перед слабыми редуцированными; 2) слабая — в остальных случаях:

	Сильная позиция	Слабая позиция
*o	ō	o
*e	ē/'ō	e/'o
*ъ	ъ	нуль звука
*ь	ь/ъ	нуль звука

Следовательно, мы можем предположить, что метатеза *ToRT* > *TъRoT*, *TeRT* > *TъReT* произошла после удлинения *o и *e — этим объясняется сохранение o, e во вторых «новозакрытых» слогах «полногласных» сочетаний.

Рефлекс /o/ присутствует в карпатоукраинских говорах также в рефлексах *oRT-, что, видимо, предполагает развитие *ort- > *ort- > *rѣt-:

Син. 3 sg. *zróbit s'a*, *róbit*, *zróbit*, 2 sg. *zróbiš*; gen. *róstu*, 3 pl. *róbl'at*, *izróbl'at*; Битля 2 sg. *zróbiš*; Тис. pl. *zróstynky*; Тишк. 3 pl. *rób'jit*.

⁶ См. *Klemensiewicz Z., Lehr-Splawinski T., Urbańczyk S. Gramatyka historyczna języka polskiego. Warszawa, 1955. S. 124.*

⁷ Ср. поведение ъ и ь в северо-западных великорусских (псковско-кривичских и западноновгородских) говорах в основах с «вторым полногласием»: *верѣх*, *столѣн* и т. п.

б. Северо-западная (кривичская) система. Рефлексы *o и *ъ в говорах ильменско-словенского происхождения к западу от Новгорода

В кривичском по происхождению архаическом говоре пос. Ильинó Западнoдвинского р-на Тверской обл. и в близких к нему говорах окружающих деревень (далее весь материал будет рассматриваться как принадлежащий к единому ильинскому говору; ниже приводятся расшифрованные автором примеры из магнитофонных записей, сделанных О. А. Абраменко и М. Н. Толстой в сентябре 1995 г.) обнаружена система с различием «двух о», также не связанная с рефлексами старых интонаций. Ильинский говор сохраняет типичные рефлексы древнего кривичского говора, расположенного на границе древних смоленского и верхневолжского кривичских диалектов: регулярная окситонеза косвенных падежей ед. ч. o-/u-основ м. р. при сохранении старой акц. парадигмы основ с «полногласием» (*γρόρ*, gen. *γrabá*; *дѣр*, gen. *дѣbá*; *нѣос*, gen. *насá*; *бѣорѣw*, gen. *бѣравá*; *кѣорѣр*, gen. *кѣrabá* и т. п.) и ср. р. (*z'arúó* 'озеро'), развитие *dja > γa (*pōdjati > puyác'), *stja > ska (*pustjati > puskác'), *po-čistjati > pačískъc'), *xě (до действия II палатализации) > še (*xěrѣъ > šórjъ) и т. д. (см. Николаев 1988 и 1989).

В ильинском говоре под ударением различаются две фонемы «типа о»: /θ/ (гласный средне-заднего ряда, обычно среднего подъема; спорадически в закрытых слогах отмечается дифтонгоид [θ^h], после губных и велярных — дифтонгоид [θ^ho]); этой фонеме противопоставлена фонема /uo/ — как правило, задний дифтонг; особый (средне-задний) аллофон [uθ] присутствует перед j. Нейтрализация двух фонем под ударением происходит лишь в одной позиции: в закрытых слогах после r, однако различие «восстанавливается» в открытых слогах: *γρόm*, но gen. *γrѣómл*; *рлкрѣj*, но gen. *рлкрѣjѣ* — ср. *κρόνλ*, gen. pl. *κρόw* и т. д. (о трактовке последовательностей *ToRT* и *oRT*- см. ниже). В ильинском говоре потивопоставление /θ/ и /uo/ параллельно, с одной стороны, оппозиции переднего монофтонга /e/ (из слав. *e, *ь: *z'én'ic*, *v'és'etъ*; *z'én'*, *p'én'*) дифтонгу /je/ (из слав. *ě, а также из *e в «новозакрытых слогах»: *z'jéťъ*, *b'jéťyj*; *p'jécъ*, *p'jécъka* при pl. *p'éc'i*; *s'jém*, *šjés'* при *s'ém'etъ*, *šás's'etъ*) и, с другой стороны, средне-заднего /u/ (из слав. *o: *дѣр*, *тѣх*, *сѣк*, *мѣкλ*) заднему /u/ (из слав. *u: *лѣк*, *сѣкλ*, *мѣхъ*).

«Ненапряженное» слав. *ъ имеет в ильинском говоре рефлекс /θ/: *bayór*, *čexó^hł*, pl. *zdóxl'i*, *zasóx*, *dóš*, *klók*, *róš*, *krót*, acc. *b^hóčkи*, gen. *bóčk'e*; в суффиксах и флексии: *bratók*, *četnók*,

čer'enók, česnók, časnók, kusók, instr. p̄latnóm, k'ip'átkóm и т. д. Такой же рефлекс имеет ъ в последовательностях ТЪРТ: p̄l̄n̄t̄l, gen. p̄l̄n̄t̄l̄y, dól̄x, ýorb и др., а также «вставной» ъ: aýón'.

«Напряженный» *ѣ в окончании им. п. прилагательных м. р. под ударением также имеет рефлекс /o/: p̄stój, m̄l̄ldój, kr'ivój и т. д., однако, по всей видимости, после велярных он первоначально отражался как неогубленный *э с последующим переходом в е и смягчением согласных (процесс, аналогичный развитию *ky > k'i): kak'éj, tak'éj γn'íéw, druý'éj и т. д. В записях представлены и формы с видимо заимствованным из других основ окончанием -ój: kakój, takój, druýój. В презенсах глаголов с корнями на -у «напряженный» ѣ всегда имеет рефлекс /y/: kr̄ýju, r̄ýju, m̄ýjec', imp. m̄ýj, zlkr̄ýj и т. д. Является ли этот рефлекс результатом фонетического развития *ѣ в слогах не перед «слабыми редуцированными» или возник по аналогии с формами типа inf. m̄ýc', prt. m̄ýtl, представляет собой особую проблему (материал других кривичских по происхождению говоров говорит скорее в пользу первого предположения — см. Николаев 1988). О том, что в окончаниях прилагательных типа -ěj, -áj мы имеем дело с рефлексами звуков типа ѣ, говорит тот факт, что в русских и белорусских говорах с диссимилятивным аканьем рефлекс нового (не выпадающего) *ѣ диссимилятивного происхождения (вѣдá/вэдá/выдá при dat. вад'ѣ) как правило совпадает с рефлексом *ѣ в прилагательных и глаголах. Например, в брянском ареале «случаи с гласным э на месте ѣ в диссимилирующей позиции обнаружены лишь в тех говорах, где известно произношение э на месте ы под ударением в известных случаях (молодѣй, мэю, крѣй и т. п.)» (Пеньковский 1966:116, примеч. 2) — ср. приводимые там же формы дэч'ká, пэн'áл'и, нэхáл'и, кэшáра и т. д.

Рефлекс «напряженного» *ѣ во многих кривичских по происхождению говорах (в основном псковских) отмечается не только перед j, но и перед исконно мягкими сонантами и сочетаниями сонант + j < -*R̄bj- (в других кривичских по происхождению говорах здесь отмечаются рефлексы *ѣ > ъ, э, ы — см. подробно Николаев 1988). В ильинском говоре в этой позиции присутствует /o/: udól', pl̄ddón'j̄l.

Фонема /o/ регулярна также во втором слоге «полногласных последовательностей»: γaróx, gen. γaróxl, kl̄rónv̄, gen. karón'v̄e, acc. kl̄rónv̄, xaróšej, gen. sg. xaróšej̄l, f. xaróšej̄l, pl. xaróšej̄i, zdarónv̄ij̄i, marós, gen. ml̄róz̄z̄, coll. kl̄tós'í̄z̄, также tadón', loc. n̄z tadón'í (слав. *dolnъ с метатезой).

Судя по всему, «вставное» o в кривичском ареале первоначально отличалось от обычного *o и имело рефлекс, близкий к *ѣ, ср.

э/ы в псковских рефлексах *(o)bolnyje 'болотистое место' в говорах, где такие же рефлексы отмечены на месте «напряженного» *ѣ: в балэньях, балэньи, балынья (при укр. болоння, польск. błonie), ср. также отмечаемые в северо-западных и северных говорах формы типа пóлымя (проникнувшее и в литературный язык), шóлымя, гóлымя — см. Николаев 1988:123—124. В этом «кривичская» протосистема кардинально отличается от юго-западной: в последней последовательности ToRT претерпевали своеобразную метатезу, превращаясь в T̄r̄[o]T (см. выше), тогда как в «кривичских» говорах метатезы не происходило, однако в первом слоге «полногласия» под ударением также обнаруживаются рефлексы, аналогичные рефлексам *ѣ, т. е., в данном случае, /o/ в ильинском говоре: bór̄z̄w, ýót̄zi, gen. ýót̄z̄dl, ýórt̄i, xaróšuj kót̄z̄s, ýót̄z̄s, gen. ýót̄z̄sl, xót̄zi, sórt̄i и т. п.

Трактовка ToRT в виде T̄r̄R̄z̄T крайне любопытна и нуждается в дополнительных исследованиях и исторической интерпретации. В частности, обращает на себя внимание общеизвестная сев.-лехитская и полабская трактовка TorT в виде TarT, а также TolT в виде TalT/TolT в исчезнувших периферийных (поморских и полабских) зап.-славянских диалектах. В частности, по имеющимся данным, в говоре Руяна (Рюгена) совпадают рефлексы TorT и T̄r̄r̄T (в TarT), а рефлексы *TolT и *T̄ylT также совпадают в TolT, хотя TolT может развиваться и в T̄loT (см. Lehr-Spławiński 1966). Не исключено, что формы типа сев.-кашуб. karva, полаб. *korv̄ являются рефлексами промежуточных форм типа *k̄r̄va ~ *k̄r̄va — ср. аналогичную трактовку «вставных» еров в виде «слабых» в южнолехитских диалектах (k̄tos < k̄t̄los̄) при «сильных» в юго-западных украинских (син. kótos < k̄t̄los̄ < *k̄ōts̄ при sol'óma < ?*s̄l̄óma < *s̄ōlma).

Как уже было сказано, праслав. *o, независимо от интонации, под ударением имеет ильинский рефлекс /uo/: б̄ю́к, gen. iz б̄ю́ка, асс. w р̄ю́л'л, loc. pa р̄ю́л'и, б̄ю́р, γар̄п̄ю́д' б̄ю́x, ad γ̄ю́сп̄рд̄л б̄ю́γа, ws'í̄é nar̄ю́d'its̄l, kat̄ю́r̄ыj, w γ̄ю́s'c'í, w б̄ю́т, d̄z̄ s'íx р̄ю́р, m̄ю́žn̄z̄, b'ert̄ю́x, gen. b'ert̄ю́γа, pl. b'ert̄ю́γ'i, r'aduówkl/r'aduówkl, 2 sg. paγ̄ю́n'is̄, z̄γ̄av̄ю́r, n̄ю́ž̄ýk, t̄ю́l'k̄z̄, pl. k̄ю́rn'í, loc. pa k̄ю́ž̄, d̄ю́m, gen. d̄ю́ml, druóst, dv̄ю́r, x̄ю́r', pl. r̄z̄γ̄av̄ю́r̄ы, γ̄ю́t, gen. n'ídn̄lγ̄ю́ γ̄ю́d̄l, γ̄ю́t'γ̄p', γ̄v̄ю́s'c', xv̄ю́st, k̄ю́s's', 1 pl. x̄t̄p̄ю́č̄am m̄ы, k̄ю́γ̄c', pl. k̄ю́x'c'í, k̄ю́t, k̄ю́m s'n'í̄éγ̄l, k̄ю́n', pl. k̄ю́n'í, k̄z̄lak̄ю́t и др. В служебных морфемах: loc. w p̄lax̄ю́m быт̄и, pat̄ю́m; gen. rad̄n̄ю́γ̄l, n'ikak̄ю́γ̄l, druγ̄ю́γ̄, s'aȳю́n'í; sv̄z̄γ̄ю́, n'ídn̄aγ̄ю́/n'ínn̄aγ̄ю́, jaγ̄ю́; x̄t̄ю́, x̄t̄ю́-t̄z̄, š̄t̄'ò, an̄ю́, z'ar̄ю́ 'озеро'.

Особые аллофоны перед *j* и после *r* (см. выше): *γνέј*, gen. *γνέјл*; *вјэј*; *svéј*, pl. *твэјтму*; instr. f. *тлквэј*, gen. f. *n'iklkvэј*, nom. n. *таквэјѣ*; adv. *дамвэј*; *γρέт*, gen. *γρѣтл*; *ukrér*, gen. *ukrѣрл*; *prakrѣј*, gen. *n'jet харѣšajл prakrѣјѣ*, pl. *prakrѣјѣ*.

Видимо, в ряде северо-западных великорусских говоров (возможно, ильменско-словенского происхождения) к западу от Новгорода в результате взаимодействия с кривичскими системами не возникло различие «двух о» в зависимости от праславянских интонаций. Такое различие несомненно было в «восточноновгородских» (ильменско-словенских по происхождению) говорах к востоку от линии Волхов — Ильмень — Ловать — Селигер, на что указывает материал как современных говоров (см. ДАРЯ, вып. 1, карта 42), так и старорусских памятников (в частности, впервые различие «двух о» акцентного происхождения обнаружено Л. Л. Васильевым именно в староновгородских памятниках, см. Васильев 1929). Напротив, в кривичской зоне акцентное происхождение различия между «двумя о» не отмечается. В «западнословенских» говорах, судя по всему, сформировалась система, внешне близкая к описанной выше ильинской по принципу организации (в общем случае /o₁/ из *ъ и /o₂/ из любого *о). Однако, судя по трактовке «полногласных сочетаний», «западнословенская» система больше напоминает описанную выше юго-западную.

В северо-западном великорусском говоре д. Невское (Свинорт) Солецкого р-на Новгородской обл. под ударением обнаружено фонологическое противопоставление дифтонга /uo/, в общем случае восходящего к *о, и /o/, в общем случае восходящего к *ъ (в безударных слогах эти фонемы нейтрализуются в o/ъ). Ниже приводятся примеры, выписанные автором из магнитофонной записи текста, сделанной А. В. Тер-Аванесовой и М. Н. Толстой в 1992 г.:

1. Фонема /uo/

вѣок, instr. *вѣокѣт*, *дѣом*, adv. *дѣома*, *gr⁴ом*, *гѣода*, *гѣодѣт*, *гѣоды*, voc. *гѣосрѣд'и*, pl. *тѣозг'и*, instr. *нѣос'ју*, на *рѣѣдѣšajл*, *рѣѣокѣ*, *рѣос'г'и*, *рѣот*, *скѣокѣ*, *сѣол*, *стѣок*, *тѣол'кѣ*, *тѣокѣ*, в *вѣоду* (3x), *хѣот*, *звѣон*, gen. *звѣону*, *бѣγогѣод'ic'a*, *вѣол'še*, *робѣол'še*, *домѣј*, *дѣол'a*, *двѣор*, *šasѣон'venka*, *гѣознaja*, *рѣосл'и*, *кѣон'и*, gen. *кѣон'ej*, *котѣорѣја* f., и *котѣорѣых*, *котѣорѣји*, *кѣот*, *тнѣогѣ*, *тнѣогѣže*, *обѣотѣол'at*, *postѣотr'iš*, 3 sg. *тѣоže*, -š, *тѣоžнѣ*, *нарѣот*, gen. *нарѣоду*, -тѣ, *вынѣос'at*, *нѣоныј*, *ѣон*, *ѣострѣј*, *р'иѣок*, 2 sg. *рѣод'оš*, gen. *рокѣојн'ika*, *рѣомн'u*, *ротѣом*, *розарѣошѣтѣм*, *рѣост*, *р'и-stѣол'ныј*, *порѣоs'im*, *робѣоты*, *робѣотal*, *рѣробѣотal'и*, *робѣотn'икѣ*,

skѣот, *soѣоmu*, *strѣоits'a*, *strѣоil'is'*, *тѣоže*, *n'e* *трѣогѣл'и*, pl. *верѣоn'ja*, *вѣод'at*, на *Vodѣокšu*, *n'e* *хѣоѣ'e*, 2 sg. *хѣоѣeš*, *хѣоš*, *схѣод'iš*, 3 pl. *хѣод'a*, на *хѣод'at*, *хвѣост*, *звѣон'it*, -at; *рѣом'er*, -ta, *рѣодat*, *рѣодѣл'и*, acc. f. *рѣоѣубу*, loc. f. *рѣоѣубы*, *рѣоостѣн'*, *рѣоозv'išše*, gen. *n'ikѣонѣ*, *такѣонѣ*, *vos'tѣоѣга*; *тѣ* *кѣл'одѣј*, n. *такѣоје*, instr. adv. *v'osнѣој*, instr. *s'vatѣој vodѣој*, *za vodѣој*, *z'itѣој*; gen. pl. *s'veтѣој*; *č'istѣо*, *тѣлѣокѣ*, *рѣžestвѣо*, *s'eтѣо*; prt. *sn'ošтѣо*; *хѣот*, *n'iktѣо*, *šтѣо*, *šтѣо-š*; gen. *n'ič'онѣ*, *čонѣо-тѣ*, *fs'огѣо*; adv. *damнѣо*.

Непоследовательно /uo/ представлено в рефлексе окончания instr. sg. o-основ, в большинстве восточнославянских диалектов полностью замененного на окончание u-основ -*ът: *s'erпѣом-тѣ*, *s'erпѣом* (неск. раз), *za stoѣом*, adv. *krugѣом* — но *тѣ s'eтѣом*.

В свинортском говоре «напряженное» *ѣ в кривичских позициях (см. выше) имеет рефлекс /uo/: m. *drugѣој*, *kakѣој*, *suxѣој*, *такѣој*; *nakрѣојiš*, imp. *zakрѣој*, *ја тѣоју*, *ја рѣоју*; *vdѣол'* — при гдов. *вдыль*, pl. *одѣон'ja* (ср. *odѣнка* f., pl. *odѣnk'и*) при *одѣнье/одѣнье/одѣнье* в псковских говорах.

2. Фонема /o/

bagѣr, pl. *bѣčk'и*, *z bѣčkam*, *brѣs'iš*, *brѣs'at*, *b'ezdѣоннѣј*, *odѣнка* f., pl. *odѣnk'и*, *nѣn'čѣ*, *rѣš* (passim), *sѣn*, *sѣоннѣј*, *tѣt*, *stoѣop*, *vѣtk*, *zalѣбѣk* (*zalѣbѣkъ), *z zoѣofkѣј*; *čѣtonѣok*, *do okѣška*, pl. *v okѣšk'и* (но и *okѣška*), *potѣlѣok*, *v'enѣok*, *drѣon'и*.

Исключения представлены примерами *огѣон'* (2x), *kusѣоѣ'ek* (2x), *тѣонkoje*.

В отличие от галицких говоров, в рефлексах *ТѣRT/ТѣлT* также обнаруживается фонема /o/: *dѣwгѣј*, *dѣтѣžen*, *gѣrp*, *zгѣrb'its'a*, *kѣrѣт*, gen. *kѣrѣтѣ*, *mѣлѣн'ja*, f. *рѣtna/рѣѣtna*, *potѣrneš*.

Фонема /uo/ является рефлексом «вставного» o в *ToRT*: на *dѣrѣогу*, *dѣrѣогѣј*, *dѣrѣоška*, *горѣоx*, *s koѣѣосса*, *корѣона*, gen. *корѣоs*, *корѣоsка*, *порѣок*, *vorѣоna*, *k vorѣоtѣт*, *рѣ vorѣоtѣт*, *хорѣоšѣја*, *хорѣоšѣје*, *хорѣоšы*, -ji. Достаточного материала по рефлексации начального o в *ToRT* не имеется.

Видимо, системы с «кривичским» или «восточно-ильменско-словенским» принципами различия /o₁/ и /o₂/ представлены и в других говорах данного ареала, в частности, в заонежских говорах севернопсковского и западноновгородского происхождения — см. Тер-Аванесова 1989, с. 220 (к сожалению, материал, приведенный в этой работе, не дает возможности установить трактовку обоих o в рефлексах *ToRT и *oRT-).

II. СИСТЕМЫ С АКЦЕНТНЫМ ПРОИСХОЖДЕНИЕМ РАЗЛИЧИЯ РЕФЛЕКСОВ *o

а. Тональные системы

В 1993—1996 гг. в четырех говорах центрального ареала восточнославянского диалектного континуума были обнаружены тоновые (интонационные) противопоставления на ударных слогах. Речь идет о говорах д. Залесье Чечерского р-на Гомельской, с. Плехов и Москалі Черниговского и с. Бакла́нова Муравейка Куликовского р-на Черниговской обл. Материал этих говоров записан на магнитофон автором (Залесье), М. Н. Толстой, З. Г. Ярошенко (Плехов и Москалі), М. Н. Толстой и автором (Бакланова Муравейка) и дешифрован автором. Были сделаны тонограммы отдельных слов (в основном односложных существительных м. р.) с помощью программы WinCECIL (см. примеры в Приложении).

Во всех четырех говорах в односложных формах имеется оппозиция двух интонаций на гласных (монофтонгах и дифтонгах), условно могущих быть названными «восходящей» и «нисходящей». В наиболее изученном говоре с. Плехов в односложных словах в условиях нейтральной фразовой позиции (иными словами, в «назывных» предложениях, состоящих из одного слова) противопоставлены восходяще-нисходящая (ср. рис. 18, 20, 24 и др.) и нисходящая (рис. 17, 19, 23 и др.) интонации. В говоре Б. Муравейки противопоставлены интонация восходящая (иногда падение тона наблюдается в самом конце гласных) и нисходящая (см. рис. 43—50).

В говорах Плехова и Москалей тональные (интонационные) противопоставления фиксируются на всех гласных, в говоре Залесья, видимо, они нейтрализуются на гласном *a*, в говоре Б. Муравейки наблюдается тенденция к распространению нисходящей интонации на односложные формы с *o*, *uo* и *a*.

Ниже приводится список *o*-, *u*- и частично *i*-основ говора с. Плехов (интонации установлены по тонограммам), из которого

⁸ Просодия многосложных слов нуждается в особых комментариях и дополнительном изучении. Подробный анализ восточнопопелеских тональных систем автор предполагает дать в отдельной работе.

⁹ Автор выражает глубокую признательность уроженке и жительнице этого села З. Г. Ярошенко (Симончук), которая, будучи превосходной информанткой и собирательницей данных родного говора, проявляет искренний интерес к просодическим системам сопредельных говоров. Именно благодаря ее поискам удалось записать системы сёл Б. Муравейка и Москалі.

видно, что в большинстве случаев восходяще-нисходящая интонация восходит к праславянским «старому» и «новому» акутам, а нисходящая — к праславянскому циркумфлексу (т. е. нисходящей интонации)¹⁰.

Есть лишь одно важное исключение: распределение плеховских интонаций обратно к обычному в формах, содержащих рефлекс праслав. **i* (с рефлексами *i* после *r* и шипящих и *i* в прочих позициях), **u* и **o* (в отличие от **u*, на рефлексах которого, а именно *i* после губных согласных и *i* в прочих случаях, распределение интонаций идентично распределению на рефлексах остальных гласных) (см. рис. 1—16). Объяснение этому явлению, видимо, обнаружится в результате исследований других восточнославянских тональных систем. Нужно отметить, что в говоре Баклановой Муравейки «обратного» распределения на рефлексах **i*, **u* и **o* нет.

Кроме того, в Плехове интонации нейтрализуются в позиции перед *j* в сторону нисходящей (*kràj*, *ràj*, *γnòj*, *lòj*, *ròj* и т. д.). Ниже не рассматриваются также плеховские односложные рефлекс праслав. многосложных слов со слабыми редуцированными в 1-м слоге (видимо, в них также всегда присутствует нисходящая интонация, возможно, возникшая в результате вторичного удлинения гласного: *kn'az'*, *zm'jèl'*, *xm'jèl'*, *ml'in* и т. д.). Также, вероятно, вторичное удлинение вызвало обобщение восходяще-нисходящей интонации в словах с «новым ятем»: *p'jèč* при слвн. *pèč*, с.-х. *nèh*; *m'jèd* при слвн. *mèd*, с.-х. *mèd*.

1. Восходяще-нисходящая интонация

а. В словах с рефлексами **i*, **u* и **o*

Праслав. **i*: *l'ist* — слвн. *līst*, с.-х. *lūctm*, gen. *lūctma*; *m'ir* — слвн. *mīr*, однако с.-х. *mūp*, gen. *mūpa* при рефлексе **mīrǝ* а. п. с во всех прочих слав. языках; *p'isk* — с.-х. *nūcak*, gen. *nūcka*, однако слвн. *pisk*; *čīn* — слвн. *čīn*, с.-х. *čūn*, gen. *čūna*; *krīk* — слвн. *krīk*, с.-х. *krūk*, gen. *krūka*; *žīr* — слвн. *žīr*, с.-х. *žūp*, gen. *žūpa*. Исключение: *žīd* при слвн. *žīd*, с.-х. *žūd*.

Праслав. **u*: *brūs* — слвн. *brūs*, с.-х. *brŷc*, gen. *brŷca*; *čûb/čûp* — слвн. *čûp*, с.-х. *čŷn*, gen. *čŷna*; *drûy* — слвн. *drûg*, с.-х. *drŷg*, gen.

¹⁰ Следует заметить, что ниже в качестве сравнительного материала намеренно приводятся не праславянские, а словенские и сербохорватские формы как данные славянских языков с живыми «тональными» системами. Интонации в некоторых словах как в словенском и сербохорватском, так и в говоре Плехова отклоняются от реконструируемых праславянских (см., в частности, АССЯ, с. 116—122).

дрўга; dūx — слвн. *dūh*, с.-х. *дѹх* (хорв. *dūh*); *kūm* — слвн. *kūm*, с.-х. *кѹм*, геп. *кѹма*; *l'ūd* — слвн. *ljūd*; *mūt* 'ил, тина' — ср. с.-х. *jo*-осн. *мѹль*, геп. *мѹља*; *stūx* — слвн. *slūh*, с.-х. *слѹх*, геп. *слѹха* (с сокращением перед *x*); *strūp* — слвн. *strūp*, с.-х. *стрѹп*, геп. *стрѹпа*; *šūm* — слвн. *šūm*, с.-х. *шѹм*, геп. *шѹма*.

Праслав. **o*: *dūb* — слвн. *dōb*, с.-х. *дѹб*, геп. *дѹба*; *drūk* — слвн. *drōk*; *γūs* m. — слвн. *gōs* f.; *γūž* m. 'гуж' — слвн. *gōž* f.; *krūy* — слвн. *krōg*, с.-х. *крѹг*, геп. *крѹга*; *tūy* — слвн. *lōg*, с.-х. *лѹг*, геп. *лѹга*; *tūk* — слвн. *lōk*, с.-х. *лѹк*, геп. *лѹка*; *vūž* 'уж' — слвн. *vōž*; *zūb* — слвн. *zōb*, с.-х. *зѹб*, геп. *зѹба*; *zvūk* — слвн. *zvōk*, с.-х. *зѹк*, геп. *зѹка*.

б. В словах с рефлексами других гласных¹¹

Праслав. **y*: *dīm* — слвн. *dīm*, с.-х. *дѹм*; *rīs* f. — с.-х. *рѹс* m.; *sīr* — слвн. *sīr*, с.-х. *сѹр*; *tīn* — слвн. *tīn*, с.-х. *тѹн*; *b'ik* — слвн. *bīk* как субститут **bīk*, с.-х. *бѹк*, геп. *бѹка*; *m'is* f. — слвн. *mīš* f., с.-х. *мѹш* m.

Праслав. **ě*: *z'īēd* — слвн. *dēd*, с.-х. *дѹд*; *γrīēx* — слвн. *grēh*, с.-х. *грѣх*, геп. *грѣха*; *xl'īēw* — слвн. *hlēv*; *kl'īēšč* (с вариантом *kl'īēšč*) — слвн. *klēšč*.

Праслав. **o*: *buōb* — слвн. *bōb*, с.-х. *бѹб*; *buōk* — слвн. *bōk* (однако с.-х. *бѹк*); *drōzd* — слвн. *drōzd* (судя по вокализму, субститут **drōzd*); *dvuōr* — слвн. *dvōr*, с.-х. *дѹр*, геп. *дѹра*; *γtōd* — слвн. *glōd*; *γrōb* — слвн. *grōb*, с.-х. *грѹб*; *γrōm* — с.-х. *грѹм*, геп. *грѹма* (однако слвн. *grōm*); *γvuōzd* — слвн. *gvōzd* < **gvōzd*, с.-х. *гѹдзд*; *ktōp* — слвн. *klōp*; *kuōt* — слвн. *kōt*; *kuōn* — слвн. *kōnj*, с.-х. *кѹн*; *kuōt* — слвн. *kōt*; *muōl* f. — слвн. *mōlj* m.; *nuōž* — слвн. *nōž*, с.-х. *нѹж*, геп. *нѹжа*; *puōt* 'полати' — слвн. *pōt* 'Brückenjoch'; *puōp* — слвн. *pōp*, с.-х. *пѹп*; *stūōt* — слвн. *stōt*, с.-х. *стѹд*, геп. *стѹда*; *tuōk* '1. (топленный) жир; 2. гумно' — слвн. *tōk* 'ток, течение; гумно', с.-х. *тѹк* 'течение'; *vuōt* — слвн. *vōt*, с.-х. *вѹд*, геп. *вѹда*; *xvuōst* — слвн. *hvōst* < **hvōst*. Исключения: *γuōs*'c' при слвн. *gōst*, с.-х. *гѹст*; *vuōsk* при слвн. *vōs(ə)k*, с.-х. *вѹсак*.

Праслав. **e*: *z'ac* — слвн. *zēt*, с.-х. *зѹт*.

Праслав. **a*: *γad* — слвн. *gād*, с.-х. *гѹд*; *γrad* — слвн. *grād*, с.-х. *грѹд*; *māk* — слвн. *māk*, с.-х. *мѹк*; *plāšč* — слвн. *plāšč*, с.-х.

plāšt, геп. *плѹшта*; *plāst* — с.-х. *плѹст*, геп. *плѹста* (но слвн. *plāst*); *rāk* — слвн. *rāk*, с.-х. *рѹк*; *žal* m., adv. — слвн. *žat* f., adv., с.-х. *жѹо* adv.

2. Нисходящая интонация

а. В словах с рефлексами **i*, **u* и **o*

Праслав. **i*: *γl'ist* — ср. чеш., слвц. *hlíst* < **glīstь*; *kl'in* — слвн. *klīn*, с.-х. *клѹн*; *b'ič* — слвн. *bīč*, с.-х. *бѹч*; *ščit* — слвн. *ščit* как субститут **ščit*, с.-х. *штѹт*, геп. *штѹта*.

Праслав. **u*: *kl'ūc* — слвн. *kljūč*, с.-х. *кљѹч*, геп. *кљѹча*; *tūc* m. — слвн. *lūc* f., с.-х. *лѹч*, геп. *лѹча* m.; *plūy* — слвн. *plūg*, с.-х. *плѹг*.

Праслав. **o*: *sūd* — слвн. *sōd*, с.-х. *сѹд*, геп. *сѹда*. Исключение: *sūk* при слвн. *sōk*, с.-х. *сѹк*, геп. *сѹка*.

б. В словах с рефлексами других гласных

Праслав. **y*: *stīd* — слвн. *stīd*, с.-х. *стѹд*, геп. *стѹда*; *sīn* — слвн. *sīn*, с.-х. *сѹн*, геп. *сѹна*.

Праслав. **ě*: *ciēp* — слвн. *cēp*, с.-х. *цѹп*, геп. *цѹпа*; *cv'īet* — слвн. *svēt*, с.-х. *цѹет*, геп. *цѹета*; *l'īēs* — слвн. *lēs*, с.-х. *лѹс*, геп. *лѹса*; *sl'īēd* — слвн. *slēd*, с.-х. *слѹд*, геп. *слѹда*; *sm'īēx* — слвн. *smēh*, с.-х. *смѹх*, геп. *смѹха* (< *смѹха*); *sn'īey* — слвн. *snēg*, с.-х. *снѹг*, геп. *снѹга*; *s'p'īēx* — слвн. *spēh*; *sv'īet* — слвн. *svēt*, с.-х. *сѹет*, геп. *сѹета*; *v'īēk* — слвн. *vēk*, с.-х. *вѹк*, геп. *вѹка*; *zv'īer* m. — слвн. *zvēr* f., с.-х. *зѹер*, геп. *зѹера/зѹери* m./f. Исключение: *xl'īēb* при слвн. *hlēb*, с.-х. *хлѹб*.

Праслав. **o*: *buōy* — слвн. *bōg*, с.-х. *бѹг*; *muōst* — слвн. *mōst*, с.-х. *мѹст*; *nuōs* — слвн. *nōs*, с.-х. *нѹс*; *rošt* < **ōrstь* — слвн. *rāst*, с.-х. *рѹст*; *plōt* 'забор' — слвн. *plōt*, с.-х. *плѹт*; *rōy* — слвн. *rōg*, с.-х. *рѹг*; *stūōy* — с.-х. *стѹг* (однако слвн. *stōg*); *vuōz* — слвн. *vōz*, с.-х. *вѹз*; *xuōd* — слвн. *hōd*, с.-х. *хѹд*; *zvūōn* 'колокол' — слвн. *zvōn*. Исключение: *snūōp* при слвн. *snōp*, с.-х. *снѹп*.

Праслав. **e*: *rād* — слвн. *rēd*, с.-х. *рѹд*, геп. *рѹда*.

Праслав. **a*: *čad* — слвн. *čād* (другой праславянский вариант отражен в с.-х. *чѹд*); *jad* — слвн. *jād*; *klād* — слвн. *klād*; *kwās* — слвн. *kvās*, с.-х. *кѹас*, геп. *кѹаса*; *māx* — с.-х. *мѹх*, геп. *мѹха* < *māxa* (однако слвн. *māh*); *rāz* — слвн. *rāz*, с.-х. *рѹз*, геп. *рѹза*; *sād* — слвн. *sād*, с.-х. *сѹд*, геп. *сѹда*; *strāx* — слвн. *strāh*, с.-х. *стрѹх*, геп. *стрѹха*; *swāt* — слвн. *svāt* (однако с.-х. *сѹет*); *vāt* (сена) — слвн. *vāt*, с.-х. *вѹл*, геп. *вѹла*; *zād* — слвн. *zād* adv.; *znāk* — слвн. *znāk*, с.-х. *знѹк*, геп. *знѹка*; *žar* — слвн. *žār*, с.-х. *жѹр*, геп. *жѹра*.

¹¹ Не приводится материал с рефлексами **ь* и **ъ*, т. к. в южнослав. языках интонации в корнях существительных с этими гласными подверглись вторичным преобразованиям и унификациям. В плеховском и прочих в.-слав. говорах с интонационными различиями последние проявляются также и на рефлексах «еров» (Плехов: *zēn*' при *rēn*', *šōw* при *rōt* и т. д.).

б. Северо-восточная система

Общий принцип исторического распределения «двух о» в северо-восточной (не очень корректно называемой также «великорусской») системе следующий. Две фонемы типа *o* различаются только под ударением, причем /*o*₁/ происходит из любого сохранившегося **ъ* (а также из **ь* и **е* в говорах, где огубленные рефлексy этих гласных совпали с рефлексом **ъ*) и **o* под «нисходящим ударением»; /*o*₂/ происходит из **o* под «восходящим ударением» и из ударного «вставного» *o* в рефлексах *ToRT/TelT*.

Эта система, наряду с юго-западной («украинской») в ее «классическом» варианте с оппозицией *o* ~ *ō/uo*, считается неплохо изученной, хотя материала, достаточного для установления деталей распределения «двух о», явно недостаточно. Помимо данных старорусских рукописей (см. их обобщение в Зализняк 1985:208—211 и Стадникова 1989), мы располагаем более или менее систематическими сведениями лишь из немногих, причем географически удаленных друг от друга говоров, относящихся к гетерогенным диалектным группировкам: это некоторые задонские и рязанские говоры, в основе которых лежит племенной диалект славян Верхнего Дона (Тростянский, Гришкин 1916; Тоньшин 1912; Шахматов 1918; Аванесов 1949; Высотский 1949), и севернорусский говор с ильменско-словенской основой (Брок 1907). Недавно получен большой материал из восточнорусских в основе говоров д. Пустошá Шатурского р-на Московской обл. (магнитофонные записи И. А. Букринской, О. Е. Кармаковой и А. В. Тер-Аванесовой), д. Кóндраково Муромского р-на Владимирской обл. (магнитофонные записи О. А. Абраменко, А. И. Рыко и М. Н. Толстой), д. Шекшóво и Большое Давы́довское Гаврилово-Посадского р-на Ивановской обл. (магнитофонные записи О. А. Абраменко, А. И. Рыко, Ю. В. Стрельниковой, М. Н. Толстой и автора) и вятичского по происхождению говора д. Арне́ево Серпуховского р-на Московской обл. (магнитофонные записи Е. Э. Будовской, И. А. Букринской, О. Е. Кармаковой и автора)¹². Некоторые частные различия между распределением «двух о» в великорусских говорах установлены А. А. Зализняком (Зализняк 1985:175).

Хорошо известны системы, в которых /*o*₁/ представлено в виде широкого монофтонга *э* или дифтонга/дифтонгоида *эи/э^h* с широ-

ким слоговым компонентом, тогда как /*o*₂/ реализуется как узкий монофтонг *о* или дифтонг/дифтонгоид *юо/ю^hо* с узким слоговым компонентом. Например, в говоре Пустошей: *nъs/nъ^hs*, *pъle*, *sъn* ~ *рюор*, *вио^hl'a*, *мо^hуо^hз*, *се^hл^hо*.

До настоящего времени господствует мнение о том, что именно такое противопоставление (узкие монофтонги/дифтонги на месте /*o*₂/ и широкие монофтонги/дифтонги на месте /*o*₁/) характерны для всех великорусских говоров с различием «двух о». К сожалению, это убеждение отразилось в Программе собирания сведений для составления диалектного атласа русского языка, в которой звуки типа *о* или *юо* на месте литературного *o* предписывалось искать исключительно в позиции /*o*₂/ (ПССС, с. 44—47). Так как материал в большинстве пунктов сетки ДАРЯ записывался не профессиональными фонетистами, были пропущены многие интересные системы с различием «двух о». В частности, в окрестностях Мурома, где, по нашим наблюдениям, эти две фонемы представлены в большинстве говоров, вообще не было отмечено их различие (см. АРНГ Вост., карта 20). В шекшовском говоре отмечено в общем фиктивное противопоставление «двух о» («литературное» *o* во всех словах, кроме *хорошоу*, где *o* < *e* — см. АРНГ Вост., к. 20, пункт 73 и Комментарий к АРНГ Вост., материал на с. 442). Дело в том, что для этих говоров характерно произношение /*o*₂/, близкое к литературному *o* (чаще всего дифтонгоид *юо* либо дифтонг *юо* с кратким неслоговым и более или менее широким слоговым компонентом), тогда как /*o*₁/ произносится как узкое *о* или дифтонгоид *о^h*. Судя по тому, что сходная система зафиксирована и в «тональных» говорах восточнославянского «центра» (на белорусско-русско-украинском диалектном пограничье), можно предположить, что «обратные» системы имеют достаточно широкое распространение. Видимо, они отражены в некоторых старорусских рукописях, графические системы которых названы Е. В. Стадниковой системами «*o* узкое = /*ô*/» (= «узколитерная система» у А. А. Зализняка) и «*o* узкое = /*ô*/ в сочетании с камерной системой» (= «камерно-узколитерная» у А. А. Зализняка, см. Зализняк 1985:208—211; Стадникова 1989:136).

Из недавно записанных восточнорусских систем с «двумя о» особый интерес представляют (владимирско-опольская) шекшовская и (муромская) кондраковская.

В шекшовском говоре под ударением различаются две фонемы: 1) нисходящий дифтонг /*ou*/ — обычно произносится как дифтонг или дифтонгоид с узким (реже «средним») слогаобразующим ком-

¹² О восточнославянских племенных диалектах и отражении их черт в современных говорах см. Николаев 1994. Приводимый материал расшифрован из магнитофонных записей автором настоящей статьи.

понентом ([ou/о^h], [ou/о^h], редко как узкий монофтонг [o]); 2) восходящий дифтонг /uo/; обычная реализация этой фонемы — дифтонг со «средним», реже широким слогаобразующим компонентом ([uo]/[uo]); в закрытых слогах перед губными, велярными согласными и перед свистящими спирантами и *l* обычно отмечается «трифтонгоид» [uo^h] с узким слоговым гласным.

Внимания заслуживает распределение этих фонем после исконно твердых согласных («огубленное» *e всегда произносится как [ö] после мягких и [ou] после отвердевших согласных) в корнях слов¹³.

В позиции после дентальных смычных и *n* в корнях слов распределение /ou/ и /uo/ тождественно «классическому» распределению /o₁/ и /o₂/: 1a) *o «под нисходящим ударением»: *döum* (*dötmь), *gnöuj* (*gnöjь), *nöujgьt*, pl. *nöukt'i* (*nögьtь), *nöurf* (с неясным вариантом *nöurfь*, *nögьvь), *nöus* (*nöstь), *töuk* (*töckь), *töurfь* (*töpolь), *znöuj* (*znöjь), *zöup* (*zöbь), *stöuk* (*stögь), *söul* (*sölbь), instr. *nöuь'ju* (*nöckьjə), *söul'ju* (*söljəjə); 1б) *ъ (в том числе в ТьRT): *döuь'sь*, *osöut*, *söun*, *vdöul*, *poddöumьkь*, *töumkь'ej*, *söьnnьej*, pl. *döskь'i*, *snöuxь'i*; *döutkь*, *stötьp*, *döьtgь'ej*; 2) *o «под восходящим ударением»: *nüöš* (*nöžь), *snüöьp* (*snöрь), *smör* (*söрь?), *stüöt* (*stölbь), *mnüögь* (*mьnögo), gen. pl. *nüöьk* (*nögь), *düöl'a* (*dö'l'a), *nüöška* (*nöžьka), *nüönьej* (*nöвьejь), *gotüönьej* (*gotöвьejь).

После зубного спиранта *s* (возможно, и после *z*) и сонантов *r* и *l* две фонемы по «классическому» принципу различаются перед дентальными: 1a) *bröut* (*brödbь), *dröust* (*drözdь), *gröus't* (*grözdь), *töus'* (*tösbь), *röust* (*örstь), *röut* (*rödbь); *söukьt* (*sökolь), *söuk* (*söckь), *söutьt* (*söldь); 1б) *kröut*, *plöut*, *röuш*, *röut*, *bröuf*, pl. *bröuv'i*, *töuška*, *töuш*; 2) *korüöl'* (*körlь), *morüös* (*mörzь), *plüöt* (*plödbь), *vorüöna* (*vörna), *dorüöška* (*döržьka), *borüötka* (*börđьka), *horüöšьej* (*хöršьejь), *koüöьs'ja* (*kölsьja), *smöсьen* (*söspь), *mozüöl'* (*mozölbь). Однако после *r* и *l* они нейтрализуются в /ou/, находясь перед губными и велярными: 1a) *gröup* (*gröbь), *gröum* (*grötmь), *töum* (*tötmь), *töuf* (*tövbь), *röuf* (*rövbь

или *гьvь); *töuk* (*tögь), *töukьt* (*töckьtь), *pröuk* (*pröckь?), *röuk* (*röckь); 1б) *töup*, *kröuf*, *zoüöufka*, gen. pl. *dröuf*; *ktöuk*, gen. pl. *btöux*, *vzdröugnul'*; gen. pl. *söux*; *vysöukь'ej* (*vysöckь'ejь); 2) *ukröup* (*ukröрь), *klöup* (*klöрь), *xoüöup* (*xölpь), pl. *xoröumь* (*xöгьmь), *koröuva* (*kövna), *koröufka* (*kövьka), *kröьvl'a* (*krövl'a), *töьvl'a* (*tövl'a), *potköuva* (*podьkövna); *goröux* (*göгьxь), *p'iröuk* (*p'iröгь), *poröuk* (*pörгь), *skьmoröux* 'колядник, ряженный' (*skomöгь), *ivaröuk* (*ivaröгь), *b'orlöuga* (*bьrlöga), *šьröukь'ej* (*š'iröckь'ejь), *söum* (*sötmь), gen. pl. *söuf*. Перед *j* засвидетельствованы только рефлексы *o «под нисходящим ударением»: *röuj* (*röjь), *stöuj* (*stöjь?).

После глухого губного *p*, также как после *s*, *t*, *r*, в корнях слов две фонемы различаются по крайней мере перед дентальными: 1a) *pöutьs* (*pölzь), *pöut* (*pölbь), *pöurfьx* (с «нерегулярным» вариантом *piöurfьx*, *pöгьxь), *pöut* (*pötbь); 1б) *pöutk* (*pölkь); 2) *piöt* (*pödbь), *piöьst* (*pöstь), *topiör* (*toröгь). Видимо, происходит их нейтрализация перед губными и велярными: ср. /ou/ на месте ожидаемого *uo/ в *röup* (*röрь) и *saröuk* (*saröгь). Неясно, как ведут себя «два o» перед велярными.

После велярных перед дентальными, как правило, встречается только фонема /uo/ как на месте «обоих *o», так и на месте *ъ: 1a) *guöt* (*gödbь), *guötьt* (*göldь), *guötьs* (*gölsь), *guörьt* (*gördь), *guönьr* (*gövonьgь), *guöьs't* (*göstь), *kuötьp* (*kölbь), *kuötьkьt* (*kölkolь), *kuötьs* (*kölsь), *kuön* (*köпь), *kuörьp* (*körbь), *kuörь'n* (*köгьenь), *xuöt* (*xödbь), *xuötьt* (*xöldь), *xvüörьst* (*xvörstь), *guörьkь* (*göгььko); 1б) *xoxööt*, *ogüön'* («вставной» *ъ); 2) *xüör'* (*dьxöгь), *guön* (*göпь), *kuöt* (*kölbь), *kuön'*, pl. *kuön'i* (*köпь), *kuöt* (*kötbь), *skuöt* (*skötbь), *kuöška* (*kötьjьka). Особый случай представляют последовательности ТьRT с анлаутным велярным, в которых отмечены колебания между /ou/ и /uo/: *guörp*, *kuörš*, *guörьs't*, однако варианты: *xöutm/xüötьm*, *xöutst/xüötьst*, *kuörm'it/küorm'it*.

В позиции после велярных перед губными и велярными в корнях слов надежно засвидетельствованы лишь примеры на <ou> из *o «под нисходящим ударением»: *köum* (*kötmь), *köumь'l* (*kötmьlbь), *xöubьt* (*xöbьotь); *köugьt*, pl. *köukt'i* (*kögьtь). Существенным здесь является появление «невозможной» перед зубными (за исключением позиции в рефлексах ТьRT) фонемы /ou/ после велярных. Видимо, релевантны примеры с /uo/ в gen. pl. *voüküöf*, *tuüüöf* (*-öвь), т. к. записаны, с одной стороны, *saduöьf*, с другой — *kozlöuf*, *dvoröuf*, *voüöuf*, *stolöuf*. После звонких губных (*b*, *m*, *v*) фонемы /ou/ и /uo/ нейтрализуются в /uo/: 1a) *buöьx* (*böгь), *buöьk* (*böckь), *buörьf* (*böгьvь), *buör* (*böгь), *gvüöьs't* (*gvözdь),

¹³ Приведенное ниже распределение, настолько необычное, что в его реальность трудно было сразу поверить, было доказано лишь в самом конце недельной экспедиции, поэтому условия появления «двух o» в служебных морфемах и в заимствованиях не были выяснены. Несомненным кажется лишь сохранение старого распределения в окончании gen. pl. на -ovь. Судя по данным, которые можно извлечь из текстов, приводимое ниже распределение двух фонем последовательно соблюдается только в корнях и «неразложимых» основах. Приводимый материал записан на магнитофон от двух информантов независимо О. А. Абраменко и автором.

перед после	зубными	губными	велярными
t, d, n	ò ~ ó	ò ~ ó	ò ~ ó
ʃ, r, s, (z)	ò ~ ó	ò	ò
p	ò ~ ó	ò	ò
k, g, x	ó	ò ~ ó	?
b, m, v	ó	ó	ó

múotyt (*mòltь), *múor* (*mòrь), *múosk* (*mòzгь), *múó^ust* (*mòstь), *vúoj* (*vòjь), adv. *vúotkьm* (*vòlkьmь), *vúotъs* (*vòlъsь), *vúorъn* (*vòrпь), *vúorъt* (*vòrtь), *vúó^usk* (*vòskь), *vúó^us* (*vòzь), *zvúon* (*zvòпь), *múor'o* (*mòr'e); 1б) *múó^ux*, *vúosъ*, *zamúó^uk*; *búorъs'ъs'*, *vúotk*; 2) *búó^up* (*bòbь), *búoj* (*bòjь или *bòjь), *dvúor* (*dvòrь), *múol'* (*mòl'ь), *vúó^ut* (*vòl'ь), *stvúot* (*stьbòl'ь), *živúot* (*živòtь), *vúol'a* (*vòl'a), *múó^ukъj* (*mòkъjь), *xvúó^ust* (*xvòstь), *xvúos'ъs'* (*xvòsъs'ь).

Выше в таблице показано шекшовское распределение «двух о» в «просодической» интерпретации. Знаком ò обозначено *o «под нисходящим ударением» и *ъ, знаком ó — *o «под восходящим ударением». Два знака, между которыми стоит «~», обозначают противопоставление двух фонем в данной позиции, один знак — совпадение в указанной фонеме.

Видимо, удачная историческая интерпретация шекшовской системы возможна лишь в том случае, если предположить первоначальное просодическое противопоставление «двух о». В позиции после звонких губных возможно простое фонетическое объяснение замены ожидаемой фонемы /ou/ на /uo/ через стадию *uo^u с последующим перераспределением аллофонов [uo] и [uo^u] (см. выше). Что касается прочих позиций, то представляется приемлемой «тонологическая» трактовка истории дистрибуции «двух о»: исконные интонации каким-то образом модифицировались под «тембровым» («регистровым») воздействием предшествующих и последующих согласных. Далее, пройдя пока неизвестные нам промежуточные стадии, во время «общевеликорусского» преобразования просодических оппозиций в сегментные, сложные тонально-регистровые «прашекшовские» противопоставления были сведены к «стандартному» противопоставлению «двух о», находящихся в настоящее время в столь причудливом распределении. Шекшовская система, возможно, сформировалась под влиянием иноязычного («мерянско-

го»?) субстрата: прочим славянским тональным системам «регистровые» модификации, видимо, не свойственны (тембр согласных, однако, существенно влиял на качество гласных — ср. диссимилятивный переход *e > o, *ě > ja в лехитских перед твердыми зубными при сохранении e, je перед твердыми губными и велярными; русское распределение *дёрн*, *твёрдый* ~ *сerp*, *верх* и т. д.).

В кондраковском говоре под ударением прослеживается фонологическое противопоставление двух гласных фонем, одна из которых, /o/, реализуется как дифтонг/дифтонгоид ou/ou^u в закрытых и монофтонг o в открытых слогах: *dóum*, *só^un*, *kusóuk*, *to^urg*; *pól'ъ*, *kór'ен'* и т. д. Эта фонема в исконных морфемах представлена исключительно на месте *o «под нисходящим ударением» и *ъ (лабиализованные рефлексы *ъ и *e отражаются в Кондракове в виде особой фонемы /ö/ — этот рефлекс характерен для большинства восточных и северо-восточных великорусских говоров, но редко отмечается в диалектологических записях; в кондраковском говоре фонемы /ö/ и /o/ противопоставлены в некоторых морфологических позициях). Таким образом, фонема /o/ обнаруживается в «классической» позиции /o₁/ (об одном важном исключении будет сказано ниже).

Другая фонема, /uo/, имеет два основных аллофона, нетривиальное распределение которых, возможно, свидетельствует о недавнем существовании в муромских говорах интонационных различий: в односложных словах в закрытых слогах она реализуется как дифтонг /ou/ (*kòzъt*, *dvòzъr*, *mòzъl'*), тогда как в остальных позициях (в том числе в конечных закрытых слогах многосложных слов) представлена в виде аллофонов /uo/ и /^uo/ (*túó*, *vúol'a*, *korúova*, *múókrъj*, *morúóz*, *setúó*). По всей видимости, это позиционное различие рефлексов является «тембровой имитацией» интонаций. В односложных формах, возможно, была восходящая интонация с резким повышением тона к концу слога, а в многосложных словах плавно восходящая, ср. описанные выше тональные системы, в которых движение тона в односложных и многосложных формах различно. Фонема /uo/ в исконных морфемах в большинстве случаев восходит к *o «под восходящим ударением», т. е. находится в общеизвестной позиции /o₂/.

Однако в кондраковском (и, по всей видимости, в других муромских говорах с «двумя о») наблюдается особое развитие «напряженного» *ъ перед j в /uo/, т. е. в /o₂/, а не в /o/ = /o₁/. Из большинства других великорусских говоров с «двумя о» известен именно последний рефлекс, например, в говоре Пустошей: masc.

mətłodǝj, suxǝj, 3 sg. *nakrǝjǝt* при кондраковских формах masc. *mətłodǝjǝj, suxǝjǝj*, 1 sg. *krǝjǝju*, 2 sg. imp. *rǝjǝj z'ém'l'u*.

С точки зрения распределения рефлексов *o и *ъ интересна и система говора д. Арнеево (говор имеет вятичское происхождение, см. Николаев 1994:39—42: отметим такие типичные черты, как окситонеза *tuč'á, bur'á*, термин *cap'inkǝ* 'бьющая часть цепа' и т. д.). В арнеевском говоре под ударением различаются две фонемы — /o/ и /uo/ (в том числе и в анлауте: *ós'ǝn'ju ~ uǝfcsy*), первая из которых соотносится с /o₁/, вторая — с /o₂/. Аллофоны фонемы /o/ — o^h в закрытых и o в открытых слогах; фонема /uo/ всегда реализуется в виде восходящего дифтонга uo. Эти фонемы нейтрализуются в сторону /uo/ после губных согласных, t, а также после сочетаний v + согласный (*rǝt^h ~ loc. adv. vrǝd'ǝ, ǝrǝt ~ loc. v ǝrǝd'i* и т. д.).

Как и в других говорах с северо-восточной системой, арнеевское /o/ происходит только из *ъ и *o «под нисходящим ударением». Однако другая фонема, /uo/, происходит не только из *o «под восходящим ударением» (в том числе из «вставного o»), но также, в отличие от «классического» варианта системы, а) из *ъ в последовательностях ТьRT, б) из «напряженного» *ъ перед j (ср. кондраковские рефлексy). Характерна также, по всей видимости, вторичная (по крайней мере в рефлексах а. п. с), но регулярно появляющаяся фонема /uo/ в корнях существительных ж. р. с а-основой старых а. п. б и с (*kopná ~ pl. kuǝrny, zatá ~ acc. zuǝtu*) и в рефлексах -ъv- старых ū-основ (gen. *sv'akrǝón'i*). Ниже приводятся примеры из текстов.

1. *o «под восходящим ударением»

В именных корнях и непродуктивных суффиксах: *batǝǝzǝk, buratǝmǝnǝj*, gen. *duǝbrǝnǝ, darǝǝǝj*, comp. *darǝǝǝ, fsxuǝt* 'вход', *ftǝǝrǝn'ik, ǝǝrǝkǝ, ǝarǝǝx*, f. *ǝatǝǝnǝ, karǝǝnǝ*, acc. *karǝǝfku, kuǝn*, acc. *kuǝrku, kuǝǝkǝ, kuǝt, mǝǝǝǝj*, comp. *rǝmatǝǝǝ, pl. natǝǝǝ'i, n'ǝxuǝt* 'неохота', pl. *ǝǝǝnǝi* (ср. adv. *snǝnǝ*), pl. *ǝǝǝk'i*, (adv.) *n-ǝbarǝǝt, ǝǝarǝǝt, akǝǝǝj* 'рукоять косы', adv. *asǝǝǝǝnǝ*, loc. adv. *v asǝǝǝǝnǝs'l'i*, gen. *d-ǝstanǝǝǝk'i*, gen. pl. *ǝtǝǝǝǝt, p'irǝǝǝ, rakǝǝǝ, Rakǝǝǝt, rakǝǝǝ*, neut. *rakǝǝǝǝ*, instr. pl. *s ruǝǝǝk'ǝm'i*, adv. *skuǝǝǝ* (видимо, по аналогии со **skuǝǝǝ*), *skuǝǝt*, instr. *skuǝǝn'ikǝm, snǝǝǝ*, instr. *suǝǝl'cǝj* 'солью', *suǝǝm, sruǝǝk*, acc. *s'l'arnǝǝǝfku* 'солому', *stǝǝǝt, strǝǝǝǝj* (по аналогии и adv. *strǝǝǝǝ*), acc. *strǝǝǝjku, surǝǝǝǝj, sxǝǝǝkǝ*, loc. *na sxǝǝǝǝx*, f. *ǝyrǝǝǝǝj, tuǝǝkǝ/tuǝǝl'k'i* и *skuǝǝkǝ/skuǝǝl'k'i, ubǝǝǝǝnǝj, uduǝǝnǝ*, comp. *uduǝǝnǝj*, pl. *ukuǝǝt*,

vrǝǝǝǝj, xatǝǝǝnǝj, xarǝǝǝǝj, xvarǝǝǝt, dim. instr. *xvarǝǝǝt'ikǝm*, loc. *v zakǝǝǝn'ǝ, zdarǝǝǝn'ǝ*, acc. *ǝǝǝarǝǝǝt, znakǝǝǝmstǝn*.

Видимо, регулярна фонема /uo/ в instr. sg. *ǝǝǝǝ'ju* (< **nǝkǝjǝ*) при *nǝkǝ* (< **nǝkǝt*), т. к. **nokǝ* имело праслав. а. п. d. Вторично /uo/ в *zasǝǝǝl'i, zasǝǝǝǝi* (по аналогии с формами от **mokǝti*?). Неясно происхождение /uo/ в *trǝǝǝj* (аналогия с регулярным *duǝǝǝj*?).

В ū-основах: gen. *sv'ekrǝǝn'i*, instr. *sǝ sv'ǝkrǝǝn'ju*.

В корнях глаголов (независимо от старой акц. пар.): *nadǝǝǝj, ǝatǝǝǝn'im, ǝǝn'it', kuǝǝǝit', ǝǝǝs'ut', pǝǝǝs'it', ap-, pastrǝǝǝl'i, n'ǝ trǝǝǝǝt, pǝatǝǝǝr'icǝ*, 2 sg. *xuǝǝ/xuǝǝǝs*, 3 sg. *xuǝǝǝt/xuǝǝǝ, xuǝǝd'it', sxarǝǝǝn'icǝ*; также /uo/ отмечается во вторичных формах *duǝǝǝ'ut', pasǝǝǝd'it'*.

В префиксах: *pǝǝǝǝtǝj*; особого объяснения требуют *pǝǝǝǝǝkǝ, pǝǝǝǝv'is'ǝ*.

В формах а-основ: acc. *zuǝtu*, pl. *kuǝǝrny, kuǝǝs, kuǝǝz, ǝǝǝǝ'i, uǝfcsy*.

В окончаниях: *bǝǝdrǝǝ, ǝvǝnǝǝ* 'гумно', *mǝǝlakǝ, s'ǝtǝǝ, v'ǝnǝǝ, z'ernǝǝ* и т. д.; neut. *ǝrǝǝnǝǝǝ, kakǝǝǝj, kuǝǝj-ǝǝnǝǝ* и т. д.; adv. *davnǝǝ, l'ǝǝatǝǝ, xǝtadǝnǝǝ* и т. д.; *apǝǝ, ǝtǝǝ*, conj. *ǝtǝǝǝǝ, tuǝǝ*, (adv.) *tuǝǝǝ, xtǝǝ, n'ixtuǝǝ*; loc. sg. m./n. *v druǝǝǝm, n-adǝnǝǝm, na tuǝǝm*, (adv.) *patǝǝm*; gen. sg. m./n. *ftarǝǝǝnǝ, kakǝǝǝnǝ-tǝ*; dat. sg. f. *kakǝǝj*; gen. pl. *dvarǝǝǝt, vatkuǝǝt* и т. д.; instr. sg. *sǝ ftarǝǝǝj, sa mǝǝǝǝj, skr'ibuxǝǝǝj* 'скребком', *v'asnǝǝǝj, ǝǝnǝǝǝj*.

2. *o «под нисходящим ударением»

Dǝǝǝ', dǝǝǝm, gen. *dǝǝma*, dat. *dǝǝmu* (но и gen., dat. *duǝǝmu* — вероятно, отражение архаичных ортотонических форм), loc. adv. *dǝǝmǝ, ǝǝǝrǝd'i, ǝǝǝt*, gen. *ǝǝǝǝ, ǝǝǝs, ǝǝǝt, nǝǝǝ'*, gen. *nǝǝǝ'i*, adv. *snǝǝna* (ср. *ǝǝǝnǝj*), adv. *ǝǝǝǝ'ǝ* 'вместе', instr. *ǝǝǝǝǝǝnǝm, ǝǝǝun'* 'очень', *ǝn*, instr. *ós'ǝn'ju, pǝǝǝs, napǝǝǝǝf-tǝ, rǝǝx, rǝǝt*, adv. *rǝǝǝnǝ* (и adj. pl. *rǝǝǝnǝi*), *sǝǝǝk, stǝǝx, tǝǝk*.

3. *ъ

В корнях и непродуктивных суффиксах: *dǝǝǝ'*, gen. *u dǝǝǝ'ǝr'i, dǝǝǝs*, dim. *dǝǝǝk, rǝǝǝs, rǝǝt, sǝǝn*, gen. pl. *sǝǝǝk*, acc. *sǝǝǝ'ku, ǝǝǝǝt, vǝs'ǝmsǝǝt, xaxǝǝt*.

В продуктивных суффиксах: *d'ǝtǝǝk* 'делянка', pl. *kuǝǝǝ'k'i*, instr. *s nasǝǝǝ'kǝm, p'isǝǝk, sasǝǝk* 'соска', instr. pl. *x'ǝstǝǝ'k'ǝm'i* (от **x'ǝstǝǝk* 'укладка снопов').

В окончаниях: instr. *ǝvǝnǝǝm, mǝs't'irkǝǝm, s p'askǝǝm*, (adv.) *p'isǝkǝm, s sǝǝn'ikǝǝm*, adv. *v'ǝxǝǝm* и т. д.

4. «Напряженное» *ѣ

В корнях: 3 pl. *zakrѣjūt', izrѣjūt'*.

В окончаниях: masc. *druѣjój, mѣladjój, vyxadjój, z'impl'anjój* и т. д.

5. Рефлексы TъRT

Adv. *duótyъ, instr. sg. duótyъm, 3 sg. kuórm'it', na-, 3 pl. kuórm'ut', acc. patkuórmku, но só^utnыškъ* (видимо, по аналогии с рано потерявшим *-l- *sónсъ*).

Системы, сходные с арнеевской, несомненно представлены в старорусских рукописях, различающих «два о». Наиболее близкое распределение отражено в «Синайском патерике» редакции Досифея Топоркова (рукопись конца XVI в., писец которой, видимо, был связан с Иосифо-Волоколамским монастырем — см. Зализняк 1985:218; материал приведен в Стадникова 1989 под сокращением Дос.).

СОКРАЩЕНИЯ

- Аванесов 1949 — *Аванесов Р. И.* Очерки диалектологии рязанской Мещеры. I. Описание одного говора по течению р. Пры // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. I. М.—Л., 1949.
- АРНГ Вост. — Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. М., 1957 (комментарий и карты).
- АССЯ — *Дыбо В. А., Замятина Г. И., Николаев С. Л.* Основы славянской акцентологии. Словарь. Вып. 1. М., 1993.
- Брок 1907 — *Брок О.* Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда // Сб. ОРЯС. 1907. Т. 83. № 4.
- Булаховский 1947 — *Булаховський Л. А.* Східнослов'янські мови як джерело відбудовання спільнослов'янської акцентологічної системи // Мовознавство. Т. IV—V. Київ, 1947.
- Булаховский 1961 — *Булаховский Л. А.* Отражения так называемой новоаккутовой интонации древнейшего славянского языка в восточнославянских // Исследования по лексикологии и грамматике русского языка. М., 1961.
- Васильев 1929 — *Васильев Л. Л.* О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI—XVII вв. К вопросу о произношении звука *o* в великорусском наречии. Л., 1929.
- Высотский 1949 — *Высотский С. С.* О говоре с. Лека (по материалам экспедиции 1945 г.) // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. II. М.—Л., 1949.

ДАРЯ — Диалектологический атлас русского языка.

Зализняк 1985 — *Зализняк А. А.* От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.

Николаев 1988 — *Николаев С. Л.* Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. I. Кривичи // Балто-славянские исследования. 1986. М., 1988.

Николаев 1989 — *Николаев С. Л.* Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. I. Кривичи (окончание) // Балто-славянские исследования. 1987. М., 1989.

Николаев 1994 — *Николаев С. Л.* Раннее диалектное членение и внешние связи восточнославянских диалектов // Вопросы языкознания. М., 1994. № 3.

Основы славянской акцентологии — *Дыбо В. А., Замятина Г. И., Николаев С. Л.* Основы славянской акцентологии. М., 1990.

Пеньковский 1966 — *Пеньковский А. Б.* Фонетика говоров Западной Брянщины. Кандидатская диссертация. Владимир, 1966 (рукопись, хранится в библиотеке ИРЯ РАН).

ПССС — Программа собраний сведений для составления диалектологического атласа русского языка / Под ред. Р. И. Аванесова. М.—Л., 1947.

Стадникова 1989 — *Стадникова Е. В.* Материалы к изучению двух фонем «типа о» в старовеликорусском // Историческая акцентология и сравнительно-исторический метод. М., 1989.

Тер-Аванесова 1989 — *Тер-Аванесова А. В.* Об одной славянской акцентной инновации // Славянское и балканское языкознание. Просодия. М., 1989.

Тоньшин 1912 — *Тоньшин Ф. М.* Материалы по Рязанской губ. и у. Новосельской в с. Новоселки // РФВ, 1912. Т. 68. № 3.

Тростянский, Гришкин 1916 — *Тростянский В. И., Гришкин И. С. и др.* Диалектологические материалы, собранные В. И. Тростянским, И. С. Гришкиным и др. // Сб. ОРЯС. 1916. Т. 95, № 1.

Шахматов 1918 — *Шахматов А. А.* Описание Лекинского говора Егорьевского уезда Рязанской губ. // Изв. ОРЯС, 1913. Т. 18. Кн. 4.

Kuraszkiewicz 1985 — *Kuraszkiewicz W.* Ruthenica. Warszawa, 1985.

Lehr-Spławiński 1966 — *Lehr-Spławiński T.* O dawnych narzeczach Słowian Pomorza Zachodniego i ziem przyległych // T. Lehr-Spławiński. Studia i szkice wybrane. Seria 2. Warszawa, 1966. S. 1—18; *Idem.* Szczątki języka dawnych mieszkańców Rugii // *Ibidem.* S. 34—36.